Произведения лауреатов и дипломантов Межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалей, поэт. 2020» - Поэзия

Номинация «Поэзия» 2020

Подольский Сергей Викторович (персональный номер участника - 99)
Ерофеев Игорь Васильевич (197)
Мантурова Екатерина Александровна (148)
Герасимова Анна Александровна (242)
Колмогорова Наталья Ивановна (24)
Анна Швецова-Рыжикова (30)
Валеев Равиль Хамитович (208)
Грицук Анатолий Павлович (104)
Егоршина Лариса Павловна (90)
Нурдинов Альберт Рашидович (143)
Тетенькина Татьяна Григорьевна (33)

1 место (золото) и звание лауреата – **Подольский Сергей Викторович** родился в 1950 году в Башкирии. Окончил Уфимский нефтяной институт по специальности «Горный инженер». Поэт. Член литературных объединений «Сиверское братство», «Союз писателей Санкт-Петербурга и Ленобласти» (Павловск), «Среда» (Смоленск). Член Союза российских писателей. Живёт и в Смоленской области (Катынь) и в Башкортостане (Уфа).

Записка из солдатского медальона

Над серым утренним болотом
Так низко облака скользят.
Ствол раскалённый пулемёта
Шипит от капелек дождя.
Туман крадётся по ложбине,
За ним тяжёлые шаги.
Шинель и каска в рыжей глине,
В воде промокли сапоги.
Ракета вновь след дымный чертит,
Сейчас поднимутся опять!
А в восемнадцать лет – поверьте –
Так не хотелось умирать!
Родным, меня обратно ждавшим,
Придёт по почте полевой
Три слова: «Без вести пропавший»,
Про всех, кто вместе был со мной.
Лежать нам всем в могиле братской:
Так эта истина проста!
Не заслужив звезды солдатской,
Ни православного креста.

Шинели серые так близко,
Прицел вмещает их по грудь…
Мою посмертную записку
Прошу, найдите кто-нибудь!

Морская душа

Брусчатка гремела от их каблуков,
Их клёши листву разметали.
Под марши оркестров и взмахи платков
Они корабли покидали.
На ватник сменили матросский бушлат –
Пусть к форме возникнут придирки –
У сердца ребята любовно хранят
Родные свои бескозырки.
Матросского шика таков атрибут,
Отметим и важность момента:
В атаке матроса от пуль берегут
Оранжево-чёрные ленты.
В бою рукопашном решает не штык –
Враг в панике, видя тельняшку.
Солдатский пошире раскрой воротник:
Морская душа нараспашку!
Полундра! В атаку шагаем в цепи,
Винтовок сжимая приклады.
А тот, кто был рядом, остался в степи,
Упав после взрыва снаряда.
Звезда из фанеры над степью взошла.
«Как звали его»? – кто-то спросит.
«Не знаю, братишка. Такие дела…
Зови неизвестным матросом»!

Берлинская весна

С неба градом падают «фугаски»
В лабиринты городских руин.
Надписи на стенах белой краской:
«Bleibt deutsch» – намалевал Берлин.
Очередь, по-птичьи, свистнув тонко,
Высекает пыль из кирпича.
Из подъезда выскочил мальчонка,
Плача и испуганно крича.
Как его осколком не задело?

Бог немецкий, знать, его хранил!
Наш сержант, поднявшись под обстрелом,
На руки мальчишку подхватил.
Разве наших мальчиков жалели»?!
Только по-другому он не смог.
Строчка пулемёта по шинели
Провела черту наискосок.
До конца войны всего два шага!
Под весенним проливным дождём
Его имя на стене рейхстага
Я пишу размашисто углём.

2 место (серебро) и звание лауреата **Ерофеев Игорь Васильевич –** родился в 1958 году в Черняховске. Краевед, поэт, писатель, журналист, рок-музыкант. Редактор литературно-краеведческого альманаха «Берега Анграпы». Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России. Живёт в г. Черняховске.

Дед

Поутру весна-блудница вновь изнемогла
и под этот мир старинный без стыда легла.

Колокольным звоном небо очищать пора…
…Из окна палаты белой часть видна двора,

обнесённая забором, за которым – рай…
– Ты уж, дед, держись давай и не помирай:

благодать природой правит – яблони цветут…
– Разве мне теперь подняться? Столько не живут…

– Это, дед, не по-солдатски – ты же фронтовик!
И с такой войны вернулся – чуть прижало, сник.

– Мне, земляк, годов-то столько – и не сосчитать…
– Брось, ещё пойдёшь по девкам косы расплетать!

– Да какие ещё девки, кол когда в груди?..
– Разве, дед, не интересно, что там впереди?..

– Мне как раз не интересно, там уже бывал:
в сорок третьем под огнём Днепр переплывал…

– Я тебе же не о фронте – что нас дальше ждёт?..
– Знамо что – могильный камень да душа в излёт…

– Рано, дед, себя хоронишь – голова ж цела.
Скоро бабка дома встретит… – Бабка умерла…

Ты, сынок, мне лучше спирта у сестры спроси –
может, сердцу сполегчает? – воду принеси.

– При любой грудной хворобе пить запрещено.
– Смерти что теперь бояться, коли всё равно?..

Вдруг соседу стало худо – побелел лицом.
Побежал я за сестрицей: – Плохо там с отцом…

Взяли деда на каталку, увезли с собой.
Закусил он только губы, будто снова в бой…

Застелил кровать я деда, скучно почитал,
у окна сидел с обеда – голубей считал…

Где-то ночью просыпаюсь – вижу силуэт:
кто-то странный на кровати… Пригляделся – дед!

Но моложе лет на тридцать: ровная спина,
портупея, орден Славы, ясный, что луна.

Ладный «дед» из гимнастёрки достаёт кисет:
– Хватит спать, земляк, замёрзнешь! Куришь или нет?

Вот меня и подлечили – хоть куда жених!
Я сейчас в комендатуру, догонять своих.

Полк-то наш до Кёнигсберга, видно, дошагал…
Говорят, что Черняховский… умер генерал…

Встал солдат, одёрнул форму, подтянул сапог,
вещмешок худой набросил:– Прощевай, браток!

Мне войны, надеюсь, хватит: зверь – и дома зверь…
Крепко мне пожал он руку и ушёл за дверь…

Я в растерянности только вслед ему кивнул.
«Я б с таким пошёл в разведку», – думая, заснул…

Разбудили утром солнца бодрые лучи.
Птицы что-то расшумелись – кажется, грачи.

«И почудится ж такое: дед – опять солдат,
хоть сейчас готов к атаке – был бы автомат…»

У окна я поразмялся и поприседал,
санитарке при уборке тумбочки сдвигал.

Тут сестрица заглянула, волосы-смольё:
– Маша, с дедовой кровати собери бельё.

– Что случилось, дорогуша, если не секрет?
– Да какие там секреты? Умер твой сосед.

Не хватило деду силы: жизнь – она ж хрупка.
С той войны носил осколок ниже у соска…

Бабки нет – да есть ли дети? Хоронить кому?
Каково на белом свете жить-то одному?..

Все ушли – тоска осталась, ранит тишина.
Но от мира снова жизнь зачала весна…

…Снял пижаму я со стула – веришь или нет? –
нахожу в кармане правом вышитый кисет!

Да ещё учуял запах – от махры же дым!..
…Пусть на небо примет Бог деда молодым…

На двоих

Он служивый – и она.
На двоих – одна война,
на двоих – одна забота:
чтобы выжила страна.

Он – в окопе рядовой
с карабином за спиной.
Трудится она в санбате
у хирурга на подхвате.

Два солдата, два бойца.
Тронула любовь сердца:
ей, стирающей бинты,
он украдкой нёс цветы.

На войне как на войне –
жизнь понижена в цене, –
ты для мамы сохранись,
обязательно вернись…

Круговая оборона –
две гранаты, три патрона…
Подавили танки вражьи
молодых стрелков отважных.

Из атаки штыковой
мало вышел кто живой.
Уступили мы высоты,
от воронок кряж как соты.

Разбомбило медсанбат.
Отошли полки назад.
Много пало от свинца –
среди них и два бойца.

Не связало их любовью:
вытекла из сердца кровью,
запекалась под ногами,
затоптал враг сапогами…

Родина теперь в ответе
за живущих на том свете.
И не важно, чья вина,
кем придумана война…

2 место (серебро) и звание лауреата **Мантурова Екатерина Александровна –** родилась в городе Немане Калининградской области, живёт и работает в Калининграде. Окончила БФУ им. Канта факультет филологии.

Участник молодежной литературной организации «Луч» при Калининградском отделении СПР. Член Союза писателей России.

Красные ягоды

Падали мальчики, падали,
Сыпался искрами снег,
Пахло пожаром и падалью,
Воздух трещал, как орех.

Там, где брусничник и сосенки,
За медноногим борком,
Вдоль-поперёк длинной просеки
Трупы лежали рядком,

Сплавились, словно из олова,

В реку с кровавой водой,
Страшными кочками головы,
Травами – волос седой.

А на поверхности ужасом
Плакали мёртвых глаза.
Вязкие красные лужицы
Щупала веткой лоза...

Нынче брусничник рассыпался –
Ягоды алым горят –
Сколько на мху этом выспалось
Русских усталых ребят!

Тяжко под этими соснами
Мне отчего-то дышать,
Ягод багровые россыпи
Я не возьмусь собирать.

Падали мальчики, падали,
Лес хоронил их, как мог –
Вместо наград, красной ягодой
Вышил всё помнящий мох.

Имена

Нет у них ни имён, ни могил,
Только солнце танцует над полем,
Тем, в котором лежат сапоги
Вперемешку с костями героев.

Но под ветром качается рожь,
Шелестя, имена произносит:
Тридцать Юриев, сорок Серёж
И Василиев семьдесят восемь.

Здесь куда ни копни – всё герой,
Не доживший до майского мира,
Навсегда-навсегда молодой,
Словно памяти нашей мерило.

Стали ей мы теперь торговать
Вместе с пошлой наклейкой про деда,
Вместе с ленточкой, что привязать
Надо к сумке, твердя про победу...

И не думать и даже не знать,
Почему мы живые, мы дышим...

В поле рожь нам могла б рассказать,
Только мы её слов не услышим.

Бабкин цветок

Старуха продает герани,
И Симонова, и Золя,
Солдат, которыми играли
Когда-то в детстве сыновья.

Сидит на старом табурете
И шамкает беззубым ртом,
Монеткой водит – есть примета,
Что всё легко продаст потом.

Но к вечеру опять ненужным
Остался весь старухин хлам.
И тянет вновь она натужно
Свою тележку по дворам.

Придёт. Продавленное кресло
И старой лампы мутный свет.
Глаза прикроет. Вновь воскреснет
Уже давно умерший дед.

Подсядет:
– Продала что нынче?
Она в ответ махнёт рукой.
– Возьми в пакете вон, гостинчик,
И собирайся на покой.

Лежит одна в кровати общей,
Как на дрейфующем плоту.
Так неспокойно этой ночью,
Что ей совсем невмоготу.

А я решила, нет красивей
Цветка, чем бабкина герань,
И в непривычном мне порыве
Уже не сплю в такую рань.

Но маленькой сухой старушки
Как будто и в помине нет.
А кто-то разложил петрушку
На колченогий табурет.

Третье место (бронза) и звание лауреата **Герасимова Анна Александровна –** в 1988 году окончила математический факультет ЛГПИ им А.И. Герцена. Участвовала и становилась лауреатом Санкт-Петербургских конкурсов. Живёт в Санкт-Петербурге.

Павший расчёт

Я погиб в сорок первом году под деревней Астрачей.
Нас накрыло снарядом, и пал целиком весь расчёт.
Подожди... я продолжу чуть позже... Ну что ты... Не плачу...
Это светлая память водой родниковой течёт.

Ну а что было дальше? А дальше я прямо на небо
Поднимался в туннеле, и видел сияющий свет.
И откуда-то мысль, словно птичка в окно, прилетела –
Мне вручили сегодня до рая плацкартный билет.

Я поднялся наверх... Там цветы и пахучие травы

Небывалой красы краем глаза увидел, и вот
Чей-то голос мне громко сказал, мол тебе ещё рано.
И очнулся я, братцы, в Астраче, а рядом расчёт

Мой погибший лежал, и глаза их на небо смотрели.
Я хотел закричать, но сквозь грохот не слышал себя.
Вижу вдруг, медсестра в окровавленной грязной шинели
Надо мною склонилась... И как через стену огня

Удалось ей пройти, я понять даже и не пытался,
А она мне шептала, мол, милый, ты только держись...
Я держался, как мог, я зубами за землю хватался,
Изо всех своих сил я цеплялся, ребята, за жизнь.

Я запомнил ее навсегда... и сейчас вспоминаю...
В своей грязной шинели сверкала она чистотой.
Помню кожи атлас, нежность рук, и как мягко сияли
Добротою глаза на лице красоты неземной.

Я на утро очнулся уже в полевой хирургии...
Руки - ноги на месте, а раны на теле – не в счёт.
И потом каждый день вспоминал медсестричку Марию,
И погибший в Астраче мой артиллерийский расчёт.

Я Марию искал всю войну в поездах санитарных,
В медсанбаты запросы писал – мол, найдётся авось.
В своём сердце хранил кроткий взгляд глаз ее лучезарных,
И увидеть мечтал. Но вот встретиться нам не пришлось.

Только случай один мне запомнился – под Сталинградом
Довелось воевать мне зимой в сорок третьем году.
Я с тех пор точно знаю, что смерти бояться не надо,
Потому что при жизни успел побывать я в аду.

Я не спал трое суток... В те дни, словно в адском горниле,
Мы вели трудный бой... По-другому там время течёт.
А потом в блиндаже я заснул, и увидел Марию,
И стоящий за ней под Астрачею павший расчёт.

Они были такими, как я их запомнил – живыми...
Я к ним бросился, слезы не пряча, и мы обнялись,
А потом говорили о чём-то, но голос Марии
Неожиданно громко сказал мне «Скорее проснись».

Я проснулся... Вокруг никого, тишина гробовая...
Вышел я покурить... Ночь темна, звезды ярко горят.
И вдруг с дьявольским визгом прибывший с переднего края,
В мой блиндаж угодил прилетевший фугасный снаряд.

***

Я вернулся домой в сорок пятом... Один из немногих...
И однажды, гуляя, как будто бы кто-то позвал, В Храм зашёл...
И средь ликов на стенах серьёзных и строгих
Светлый образ Марии я сразу же, братцы, узнал.

Я в тот Храм захожу с той поры постоянно доныне...
Срок земной мой подходит к концу, и когда истечёт,
Я надеюсь хоть краешком глаза увидеть Марию...
И уверен, что встретит меня тот погибший расчёт,

Что остался лежать в сорок первом году под Астрачей.
Я потерям к исходу войны потерял уже счёт.
Дай-ка мне закурить... Я закончил... Ну что ты... Не плачу...
Это светлая память водой родниковой течёт.

Филиппов, прикрой!

Разрезая, как нож, на две части бескрайнее небо,
«Юнкерс» падал к земле и, горя, оставлял за собой
Чёрный дым .На войне слово был превращается в не был
Очень быстро. А их ещё восемь. Филиппов, прикрой!

Солнце светит в глаза. Очень сложно прицелиться метко.
И, набрав высоту, я лечу к ним навстречу, рукой
Левой намертво жесткою хваткой вцепившись в гашетку.
Только бы подобраться поближе. Филиппов, прикрой!

Ручка сектора газа мотора вперёд до упора
Отдана, и движок мой ревет. Вот уже за спиной
Остаётся слепящее солнце. Палю без разбора
Я, в летящий навстречу мне «мессер»: Филиппов, прикрой!

Немец вспыхнул, как факел, сверкающим шаром, и сразу
Рухнул вниз. Закурить бы сейчас, да в бою не курю.
Баки быстро пустеют. Филиппов, уходим на базу!
А в ответ – тишина. И потом – «Командир, я горю»!

Голос слабый: «Ты ранен? Держись! Мы прорвёмся, Серега!
Только не умирай. Я обратно тебя доведу.
Тут совсем ничего. Не молчи. Нам осталось немного!»
– «Командир... Потемнело в глазах... Извини, не могу»!

***

Он сорвался в пике... И от взрыва я сразу проснулся.
Закурить бы сейчас, но давно запретили врачи...
Эй, Филиппов... Я знаю, ты слышишь... Прости, что вернулся
Я тогда без тебя. Дай же знать, что простил. Не молчи.

Нам осталось до встречи немного. Давно у порога
Я стою. Дверь откроется скоро. Ее за собой
Затворю. И, взлетая наверх, на свидание к Богу,
Попрошу тебя снова, как раньше – Филиппов, прикрой!

Третье место (бронза) и звание лауреата **Колмогорова Наталья Ивановна** – Образование педагогическое. Участвовала и становилась лауреатом нескольких международных и всероссийских конкурсов. Член Союза Профессиональных литераторов. Живёт на станции Клявлино Самарской области.

Синеглазка

Ночь догорает, будто спичка,
Горячий шёпот, чей-то бред.
Гангрена. Кровь.
– Воды, сестричка! –
Скрипя зубами, просит дед.
Война. Разруха. Лазарет.

Восток по небу – сукровицей,
Заря глядит в пустой зрачок
(Знать, всё же помер старичок)
Июль. Зловонная жара.
И кто-то с самого утра:
– Помилуй, мя! Сестра! Сестра!

Кровавой ватой облака
Плывут по небу вдаль куда-то…
– Сестра, я жив?
– Живой пока.
И на холодный лоб солдата
Ложится тёплая рука.

Невыносимо. Дико. Жутко!
И боль лишает нас рассудка,
По капле утекает жизнь…
– Держись, родименький,
Держись!

Карболка, йод, новокаин.
Свинцовый град. Осколки мин…
Увы, помочь сестра не в силах,
Когда течёт отрава в жилах,
И смерть, от имени Христа,
Целует раненых в уста…

Ей, вместо платья выпускного –
Пропахший порохом халат.
– Ну, что ж, гражданка Иванова, –
Майор взглянул почти сурово, –
Вас направляем в Медсанбат.

Она мечтает отоспаться,
Но снова раненых везут:
Зёленка, морфий, шина, жгут,
Бинтов нестиранных гора,
И тут, и там кричат: – Сестра!
Как величать-то, Синеглазка?..
Крик боли, морфий, перевязка,
А в небе, полном тишины –
Таблетка горькая луны.

Её мы кликали «сестричкой»,
И оглянувшись вдруг назад,

Я вспоминаю медсанбат,
Военных будней перекличку
И тех, не выживших солдат,
И ангела в халате белом…

Внутри её плескался свет!
И пусть поблекнут жизни краски,
Улыбку нашей Синеглазки
Я вспомню через тыщу лет…
Ведь подвигу забвенья – нет.

Марусина почта

Плачет Маруся ночами,
Горькие слёзы льёт,
Лихо стоит за плечами –
Сорок четвёртый год.

Век бы не знать Марусю! –
Люди отводят взгляд…
С гулом летит над Русью
Огненный камнепад.

Маруся наденет валенки,
Через плечо – котомка…
Не повезло ей, маленькой,
Стать в войну почтальонкой!

То по замёрзшей пашне,
То по замёрзшим лужам…
Как же Марусе страшно
Нести похоронки людям!

Мысли с душой – в раздоре,
Сердце рвётся на части,
Маруся разносит горе
И сеет вокруг несчастье.

Ах ты, кручина-долюшка!
Слёзы – как море синее,
Сколько пролилось горюшка
Над золотой Россиею!

Худенькая девчонка,
Давно разучилась смеяться,
Трудно быть почтальонкой,
Если всего – семнадцать…

Ночами Марусе снится
Холод внутри конверта,
Сельчан дорогие лица,
Герои войны – посмертно.

Нет ничего тяжельше,
Труднее всего на свете,
Для маленьких хрупких женщин –
Чувствовать близость смерти…

Летит золотая пчёлка,
Покинув тепло избушки,
Девочка – почтальонка,
Рыжие конопушки.

Откуда брала только силы?
Сказать я теперь не берусь…
Сколько в моей России
Было таких «Марусь»?

Смерть не щадит солдата,
Но я бы поклясться мог:
Выбывшим адресатам
Письма приходят в срок.

Звание дипломанта конкурса **Анна Швецова-Рыжикова –** по образованию медсестра, работала и рентгенолаборантом и даже метеорологом... Родилась, жила и работала в глухой сибирской деревне, по имени Парбиг, практически в лесу и была несказанно счастлива. Живёт в городе Томск.

Свист игрушечной пташки

Эх, Масленица! Зовите птиц! 1942 год.

...К губам приставив «птицу» из талины –
Афонька зиму злил, и в небеса,
В свистульки дул единственный мужчина,
И дырочки делил на голоса...

...Феклуша – маленькая, снопик будто,
На гору шла, проваливаясь в снег,
Звала весну, холодным, ранним утром
Неся в подоле важный оберег!

Ей мать изобразила жаворонка
Последний жмых пожертвовав весне,
Его несла трёхлетняя девчонка,
На гору, преодолевая снег!

И отпуская в небо хлеба крошки,
Склонив, коленки тощие свои,
Просила, к Богу обратив ладошки,
В село, чтобы вернулись соловьи...

И чтобы в день рожденья – синий бантик

Ей подарили, и ещё «Драже»
И чтоб вернулся папка, или братик,
И мама чтоб не плакала уже.

…Прошли года. И век сменился веком...
Но только, как и много лет назад
Все горки заметает белым снегом,
А на щеке не прошена слеза...

Как в горнице от ребятишек тесно!
И все мечтают только о Весне!
...И вновь замесит бабка Фёкла тесто,
А дед резцы разложит на столе...

Знать, снова запоют на всю округу,
Афонины свистульки, зиму зля!
И жаворонков напечёт супруга.
И вновь проснётся Матушка-земля.

Военные треугольники

...Все писем ждали. И боялись очень...
– Война. Как страшно!.. – Хоть бы написал!..
На треугольнике родимый почерк!
– Живой!.. не важно, что он рассказал...

...Раскладывает письма почтальонка,
А треугольники в руках дрожат,
Вот этот – жив, вот этот – «похоронка»,
А этот – «без вести пропал» солдат...

– Как их нести родным? Жгут письма руки!
И сумка, словно гиря тяжела...
Проклятая война, ты эти муки
Из всех потерь отчаянно сплела!

…Опять налёт. Сегодня снова бойня.
И сверху лупят, и в упор, и в тыл!
И не спасает нас родимый хвойник
Что так надёжно с вечера укрыл...

– Кто тот боец, что разорвало миной?
Об этом думать некогда сейчас…
Ведь где-то там – жена с любимым сыном,
И яблони, и дочка родилась...

Там – мама. Папа. Аист у криницы...
И я, как раньше, в детстве – босяком!

Какие милые, родные лица...
– Так это я лежу в траве ничком?!

– Как странно. Боли нет. Одни картинки.
Нет звуков. Только вспышки в темноте.
Парное молоко? К губам я кринку
Поднёс... и почему-то полетел...

Вагонный перестук. Хирурги в масках,
И суета. Халаты все в крови.
Военные. Носилки. Сходни. Каски...
– Где я? О, Господи, благослови...

– Благословил. Кому теперь я нужен?
Зачем я Бога о себе просил?
Теперь мне няньки скармливают ужин...
– И как мне дальше жить, и где взять сил?

...Нет рук и ног. Обрубок человечий.
Не заживают швы, а он в уме!
– Как терпит боль? Поможет ли, что лечим?
Молчит всё время, будто онемел.

Уставив в потолок глаза как в небо –
На боль пытается найти ответ...
– Никто не знает. Жизнь, как будто жребий.
(Его семьи, на тот момент уж нет.)

Да, сколько судеб пронеслось! Их, время –
Стяжало и скрутило в полотно,
А жизнь всё продолжает свои темы, –
Но только будет так, как быть должно!

– Вы знаете, а парень этот выжил!
Девчонка-медсестра его спасла!
Была она тихоней, нежной, рыжей!
Возможно, эта «рыжесть» увела

От боли, от войны и от увечья! –
Семья их процветает до сих пор.
Была счастливой в том вагоне встреча,
В которую попал «больной» майор!

Записывайте то, что явью было,
Пока есть те, кто помнит про войну.
Как бесконечно люди рвали жилы,
Чтоб спину после пред врагом не гнуть.

Так мало их осталось, очевидцев…
– Так мало рассказали нам они,
О том, как их уничтожали фрицы,
Оставшись сами на чужбине гнить…

Звание дипломанта конкурса **Валеев Равиль Хамитович –** родился в 1953 году в городе Пермь. Вырос в городе Чайковский Пермской области. Инженер-строитель. Член литературного объединения им. Сельвинского. С 1973 года проживет в Крыму. Лауреат и дипломант многих поэтических конкурсов и фестивалей. Живёт в селе Рыбачье Алушта, Крым.

*** * ***

Умирала старушка в ленинградской квартире,
Голод высушил тело, седина цвета стали,
А с неё «Незнакомку» в прошлом веке писали.
Всё в военном пожаре, все забыли о мире –
Смерть играет ноктюрны на безумном клавире.
А так хочется света, чуть побыть в пасторали,
Ну хотя бы наесться, танцевать в светлом зале.
Замирая в объятьях, всё считать «три-четыре»…
Умирала старушка в ленинградской квартире.

В ветхом старом комоде под защитой вуали
За Гражданскую орден и другие медали,
Фотография сына в генеральском мундире.
Далеко сын запрятан лагерями Сибири,
Голод высушил тело, седина цвета стали.

За окном на портрете улыбается Сталин:
«Мы врагов победили, власть советская шире».
Но победные речи бьют из памяти гирей –

Там, в большом кабинете, мать и сына пытали,
А с неё «Незнакомку» в прошлом веке писали.

Вспоминается Питер, муж, убитый в трактире,
Из подруг – Зинаида, всё отдавшая лире.
Жизнь тихонько уходит, вдаль стремясь по спирали,
А недавно на внука похоронку прислали.
Всё в военном пожаре, все забыли о мире…
Умирала старушка в ленинградской квартире.

*** * ***

По раскисшей октябрьской дороге
Шли евреи в последний свой путь.
Лишь младенец, сося мамы грудь,
Не поддался всеобщей тревоге.
Как колотятся ватные ноги,
Предстоящего чувствуя жуть!

А соседи толпою стояли -
На обочину сдвинул конвой.
Тишину не порвал бабий вой,
И надежды спасительный ялик
Утопает в осенней печали,
Рассыпаясь пожухлой травой.

Оценив вероятность везенья,
Бабам кинула доченьку мать
И с родными ушла умирать.
Шелохнулась толпа на мгновенье.
Бесновался конвой в иступленье,
Но младенца не смог отыскать.

Прижимая дитя под подолом,
По привычке кляня всех жидов,
По задворкам притихших домов,
Вспоминая порыв свой с укором,
Украинка по крымским просторам
Шла домой до некормленых ртов.

*** * ***

Разгоняет туман предосенний рассвет,

Многолюдно на кладбище Старого Крыма –
День рожденья сегодня романтика Грина.
Зажимая зубами гвоздичный букет,
Голубой ВэДеВэшный надвинув берет,
Инвалид костылём на тропе месит глину.

Как похож на афганские тропы подъём,
Где бежал на задание он торопливо,
Где от боли кричал он от минного взрыва.
Наркотическим долго глушил забытьём
Боль, что сердце пекло раскалённым углём,
Понимая, что больше не будет счастливым.

Только строчки прочитанных в юности книг
Из болота дурмана позвали стихами,
Что рождались от боли, отчаянья, сами –
На бумагу пролился задавленный крик,
И Поэзии светлый, хрустальный родник,
Как молитву, читает калека при храме.

*** * ***

Стихами листья плачут на ветру,
Кустарник по могиле ветви стелет.
Навек поэт остался в Коктебеле,
Встречая первым солнце поутру.
Плита подобна тёплому костру,
Что согревает путника доселе.
Стоящему у каменной постели
И в холод и в июльскую жару
Стихами листья плачут на ветру.

Войны гражданской страшные качели -
Террор людей, как жерновами, мелет.
Спасал людей у смерти на пиру.
Талантом совершённому добру
Кустарник по могиле ветви стелет.

С душой ребёнка в грузно-тучном теле,
Что обожает шалость и игру,
Отдавший дом собратьям по перу,
Творивший на заоблачном пределе,
Навек поэт остался в Коктебеле.

Срывает время фальшь и мишуру,
Не гасит у Волошина искру.
На память о бесстрашном менестреле
Пускай звучит над Киммерией шелест,

Встречая первым солнце поутру.
Стихами листья плачут на ветру…

Звание дипломанта конкурса **Грицук Анатолий Павлович –** родился в 1951 году. Выпускник Литературного института имени Горького. Председатель Общественной писательской организации «Росток» города Советск, руководитель Детско-юношеского клуба литературного творчества «Эхо». Член Союза писателей России. Живёт в городе Советск Калининградской области, почётным гражданином которого он является.

Фронтовики-калеки

1.

Он – фронтовик-калека
Уже не встанет в строй.
Он – победитель! Века
Двадцатого герой.

В зловещей круговерти
Он, всё же, выжить смог,
В глаза глядевший смерти,
Оставшийся без ног.

Атака. В бой, пехота!
Из глоток вдаль – Ура!
Кровавая работа
Войны, как мир стара.

Река от взрывов тает,
Летит свинец и лёд.
За Родину, за Сталина!
Вперёд, вперёд, вперёд!

Бессонными ночами
Послышатся шаги…
«Как больно нам» – кричали
Его же две ноги.

Бегут, бегут в атаку,
Которой нет конца.
Давно нет слёз поплакать
У бывшего бойца.

И прошлое вцепилось
Так прочно – не избыть.
Но как – скажи на милость –
Ему его забыть.

2.

Магазин. Киоск. Столовая.
Инвалиды. Медяки.
Из сочувствия к здоровью,
Люди на руку легки:

Для безногого не жалко
Трудовых своих грошей.
Лето – душит. Очень жарко.
– Эй, браток, воды налей!

Пахнет вкусно в час обеда
Из столовой городской.
…Он – без ног. Зато победой
Он увенчан. Он – герой!

3.

На задворках общежитья,

Где высокая трава,
Инвалиды-полужители –
Фронтовая голь-братва.

Коль без ног – приспособление,
Чтоб хоть как-то ездить смог.
И другое снаряжение
Вместо рук и вместо ног.

На закате собираются
Попрошайные гроши:
На спиртное обменяются,
Отравляя боль души.

Из еды отломок хлеба
С кабачковою икрой.
«Беломор» и дым до неба,
Вместе с матом над травой.

Вспомнят вшей и грязь окопов,
Боевых своих друзей.
За победой шли в Европу,
Через боль госпиталей.

Им теперь чего бояться?
Всё отдали, что смогли.
Костылями станут драться
На клочке своей земли.

Слово за слово… обиды
Сдавят горло не вздохнуть…
…Драки те я в детстве видел
И не смог перечеркнуть…

Звание дипломанта конкурса **Егоршина Лариса Павловна** – родилась в городе Дзержинск Нижегородской области. Окончила Горьковский политехнический институт. Членом литературного клуба «Огонек Рубцова» при библиотеке им. А.С. Пушкина. Живёт в городе Дзержинск.

Залп весны

Всполох! Пруссии, граница,
доты первой мировой,
мощной крепости бойницы
и черта передовой.

Режет сталь зубцы «Дер Дона»,
в напряженье мускул, нерв,
переходит к обороне,
окруженный Кенигсберг.

Под бомбежкою «Москито»
исторический квартал,
комендант броней укрытый
ультиматуму не внял.

Артналету вторит эхо,
детонирует волной
и заметною прорехой
ход открылся под стеной!

В Королевские ворота,
через линию траншей,

входит русская пехота
вместе с гулом батарей!

Бой с агрессором жестоким
часть гвардейская ведет,
знамя Родины высоко
поднимается на форт.

Дрогнул бункер из бетона,
дует ветер перемен.
рассыпаются заслоны,
гарнизон сдается в плен.

Патриотам, миротворцам,
Красной Армии – «виват»!
Залп весны! в зените солнце,
Победителей парад!

Победа

Посвящается моему отцу Емельянову П.Е.
и его супруге, ленинградке Емельяновой В.А.

Соловьиное лето,
ось земная, кружись!
Над Невою рассветы!
Я люблю тебя, жизнь!

Мир прекрасный, безбрежный,
но тревожна волна,
Белый танец надежды
зачеркнула война.

Гром разлук над рекою,
и вчерашний курсант
клятву дал под Москвою
и ни шагу назад!

А лучистые очи
держат связь на фронтах,
и эфир мироточит
за снегами в горах.

Лихолетья година,
под огнем Летний сад,
но не хлебом единым
жив родной Ленинград!

Алый парус спасенья,
верь, закончится бой,
лепестками сирени
встретит радость весной.

Золотые погоны,
не вернулась Асоль,
метроном монотонный –
не забытая боль.

Гимн любви сизокрылой,
слышит звездная высь:
– Я люблю тебя, милый!
– Я люблю тебя жизнь.

Стань невестой Победа!
Ось Земли, возродись,
соловьиное лето,
Я люблю тебя жизнь!

Родины уголок

Хмурится небо облаком,
день суета сует,
а за лесами Вологда,
а над полями свет.

Север – глубинки вотчина,
в горнице огонек,
кружевом отороченный,
Родины уголок.

Старые фото в рамочках,
улицы, купола,
дети, на щечках ямочки –
сироты мал-мала.

Дворик, забавы, прятушки,
реченьки берега,
грусть без отца и матушки –
стужа зимы, снега.

Змий, семи глав, невиданной
землю огнем палит,
век вековой обидами
до сыта наделит.

Лихом войны да горюшком

выплаканы глаза,
ворог порушил долюшку,
в каждом окне слеза.

Хлеба не вдосталь, голодно,
принял малых детдом,
спас и укрыл от холода
теплым, большим крылом.

Ждали Победу веснами,
Армией взят Рейхстаг
на опаленном остове
реет Отчизны флаг!

Звание дипломанта конкурса **Нурдинов Альберт Рашидович –** родился в 1965 году в городе Свердловск (ныне Екатеринбург). Окончил Уральский Политехнический Институт. Инженер - механик. Пишет стихи с 2008 года. Живёт в городе Екатеринбург.

Памяти деда

Моему деду Мингарею посвящается

Мой дед погиб в руинах Сталинграда.
В тот день случился сильный артналёт,
И взрыв вблизи упавшего снаряда
Накрыл окоп, стрелка и пулемёт.
Вмиг для бойца исчезло всё на свете:
Его село; его седая мать;
Его жена и маленькие дети –
Их больше он не будет обнимать…
Не сможет взять в натруженные руки
Мой дед сынишку, папу моего;
Он не услышит, как смеются внуки…
Не будет больше в жизни ничего!
И без него теперь родная рота
С рассветом новым вступит в новый бой –
Все те, кого огнем из пулемёта
Дед прикрывал, пока он был живой...
Но жизнь солдат отдал не бесполезно:
Когда её списали со счетов,
Легла она песчинкою железной
На чашу исторических весов.
И груз песчинок многих – миллионов
Геройской смертью сгинувших солдат
(В огне войны сгоревших батальонов,
Полков, дивизий, армий и бригад) –
Заставит те весы прийти в движенье
И с каждой жертвой двигаться быстрей!
Жаль только то, что это ускоренье
Он не увидит, дед мой Мингарей…
Пойдут бойцы на запад… пусть не сразу,
Назло потерям, ранам и беде,
Гоня назад фашистскую заразу,
Чтоб задавить её в её гнезде!
И в сорок пятом, на восходе мая,
Друзья его – остался кто живой! –
Пройдут победной поступью, вздымая
Седую пыль берлинской мостовой.

Баллада о людях и лошадях

Шёл год сорок первый – тяжёлый, кровавый.
Не раз вспоминаться он будет людьми.
…На станции ночью грузились составы:

Один санитарный, другой с лошадьми.
Пугливые кони глазами косили
И ржали тревожно при виде калек,
Которых медсестры в вагоны носили
С приехавших с фронта машин и телег.
Работали дружно: все очень спешили
Покинуть стоянку. Но лишь рассвело,
Немецкие асы налет совершили
На станцию и небольшое село,
Стоящее рядом. Машины с крестами
На цель заходили, скользя с высоты, –
И быстро окрестность покрылась кострами:
Пылали постройки, цистерны, склады.
В соседнем лесочке от взрывов тротила
Дубы осыпались янтарной листвой.
А пламя уже поезда охватило:
Сперва – санитарный, за ним – грузовой.
Метались девчонки в горящем составе,
Несли, надрываясь, тяжёлых солдат
И, вниз их спустив, у вагонов оставив,
За новыми тут же бросались назад.
Кричали медсестры бойцам, чтоб в дубраву
Бежали немедля и прятались в ней,
Но те побрели ко второму составу –
Спасать из пожара несчастных коней.
Никто не остался к беде безучастен:
Людей искалечила люто война,
Но гнал их вперёд рвущий души на части,
Наполненный ужасом крик табуна!
Кружила над станцией чёрная стая.
Приникли к прицелам пилоты врага,
Свинцом смертоносным с небес осыпая
Калек, ковылявших на слабых ногах.
Сражённые падали навзничь со стоном
И больше уже не вставали с земли;
Но шли остальные упрямо к вагонам...
Иначе они поступить не могли!
Потом рвали доски, кричали от боли,
Плоть рук обжигая огнём до костей,
И гнали из адского пекла на волю
Окутанных дымом шальных лошадей!
А кони, увидев их – чёрных и страшных,
Заржали... и вдруг сквозь цепочку кустов
К леску понеслись, разметав бесшабашно
Остатки сгоревших в пожаре хвостов.
Смотрели калеки, как кони из плена
К дубраве бежали, сминая бурьян,
Смеялись и плакали одновременно,
Про боль позабыв от ожогов и ран...
Вставала заря широко, величаво.
Над станцией ярко пылал небосвод.
Шёл год сорок первый, тяжёлый, кровавый,

И сколько он горя ещё принесет!
Кто выживут – вспомнят со светлой печалью
И станцию ту, и табун лошадей,
И всех, с кем коней из беды выручали –
Израненных, но сильных духом людей!

Звание дипломанта конкурса **Тетенькина Татьяна Григорьевна** – родилась в Брестской области. Окончила факультет журналистики Белорусского государственного университета в Минске. В 1971 году переехала в Калининград. Работала редактором в газетах и книжных издательствах. Член Союза писателей России. Живёт в Калининграде.

Великая Победа

Большой страны великая Победа,
Тебя стереть не смогут и века!
Никто у нас забвению не предан,
Пусть даже неизвестен он пока.

Бойцы тех лет, поклон вам до земли
За то, что вы войну превозмогли!

О той войне ни строчки, ни страницы
Мы не позволим ложно изменить.
Своей державы прочные границы
Мы будем, как завещано, хранить.

Бойцы тех лет, поклон вам до земли
За то, что вы войну превозмогли!

Мы тоже в убеждениях не ломки,
Есть в душах наших прочности запас.
Мы – ваши благодарные потомки,
Вы можете надеяться на нас.

Бойцы тех лет, поклон вам до земли
За то, что вы войну превозмогли!

Вы нам дороги, ветераны!

Два века, знаю, люди не живут.
А век у ветеранов на исходе.
Но как смириться, что они уходят?!.
Их много ТАМ и очень мало ТУТ.

Ах, если б время им открыло счёт,
Вписав туда и бонусную строчку, –
Мы им могли бы сбросить по денёчку,
А кто сердечней – сбросил бы и год.

Вернули бы вдвойне, втройне тот срок,
Когда они не жили – воевали,
Своею кровью землю поливали,
Чтоб мир на ней взрасти однажды смог.

Но – не дано… В том нашей нет вины.
Бог не предусмотрел такое средство.
Насущный долг наш – уберечь наследство,
Добытое героями войны.

С верой в праведность

Ты, Россия моя, миротворица.
Кто познает беду – к тебе клонится,
К твоему плечу прислоняется,
Твоему уму доверяется.

Все народы тебе – люди Божии.
Только б зла на Земле не умножили,

Брат на брата бы рук не подняли,
Да путями бы шли Господними.

Ты не ждёшь за труды величания.
Даже недругам шлёшь увещания.
Не всегда, не всем ты понятная,
Но бесчестием не запятнана.

Ты, Россия моя, правдолюбица.
Кто с тобою пойдёт – не заблудится…
Снова те, кому ты не меч, а щит,
С верой в праведность просят помощи.

Всё обойдётся, россияне

Всё будет ладно, земляки,
Всё обойдётся, россияне, –
Война великая не грянет,
Заслоны русские крепки.

И никакая клевета
Не замарает нашу правду.
Врагов позорную браваду
Мы смоем с нашего креста.

Зря фабрикуется вина –
Концы лжеистины не спрятать.
Святая Русь, ты тем и свята,
Что Богом благословлена.

А если грозная орда
Всё ж покусится на Россию,
Могучий дух наш, нашу силу
Она не сломит никогда!

Не верьте трусам и лжецам,
Кто нам падение пророчит,
В стране живя, её порочит, –
Не верьте этим подлецам!

Добавить комментарий

Комментарии